

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ МЕДИАТОРА КАК ФАКТОР КОНСТРУКТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ: ТЕОРЕТИКО- ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Максудова Шахло Шерзодовна

*Независимый исследователь Ташкентского государственного юридического
университета*

Директор ООО «Smart Asia»

Аннотация

В статье рассматривается эмоциональный интеллект медиатора как профессиональная компетентность, значимая для конструктивного разрешения семейных споров. Институт семейной медиации анализируется с опорой на Закон Республики Узбекистан «О медиации» и его новеллы 2025 года, международные рекомендательные акты и доктрину; показано, что двухслойная структура семейного конфликта — наложение правового разногласия на эмоционально-психологический конфликт отношений — юридически обосновывает востребованность психологического инструментария в медиативной процедуре. Систематизированы теоретические модели эмоционального интеллекта (модель способностей Мэйера и Сэловея, смешанная модель Гоулмана) и соотнесены с ключевыми компонентами профессиональной компетентности семейного медиатора — саморегуляцией, распознаванием эмоций сторон, коммуникативной компетентностью и управлением взаимодействием. Проанализированы прикладные модели — пять стратегий поведения в конфликте Томаса—Килманна, коммуникативный квадрат Шульца фон Туна, транзактный анализ Э. Берна, треугольник Карпмана, переход от позиций к интересам по Р. Фишеру и У. Юри — как инструментарий деэскалации и перехода сторон от жёстких позиций к интересам и потребностям. Отдельное внимание уделено критической оценке отдельных популярных психологических формулировок, нуждающихся в проверке по рецензируемым источникам перед их использованием в профессиональной подготовке медиаторов. Обоснован вывод о целесообразности включения структурированной эмоциональной компетентности в программы подготовки семейных медиаторов в Узбекистане.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; семейная медиация; медиатор; конфликт интересов; деэскалация конфликта; саморегуляция; эмпатия; коммуникация; Республика Узбекистан.

Введение

Актуальность темы обусловлена сочетанием двух процессов. С одной стороны, институт медиации в Узбекистане прошёл путь от законодательного оформления в 2018 году до реформы 2025 года, придавшей медиативному соглашению перспективу принудительного исполнения через выдачу исполнительного листа, что существенно укрепило его правовой статус [17]. С другой стороны, нормативное закрепление процедуры само по себе не гарантирует её результативности в семейных спорах, поскольку предметом семейной медиации выступает не только юридическое разногласие, но и лежащий в его основе эмоционально насыщенный конфликт отношений — особенность, давно признанная в зарубежной доктрине видообразующим признаком семейной медиации [11; 13]. Отсюда следует практический вывод: профессиональная компетентность семейного медиатора не исчерпывается знанием процедуры и норм права — она должна включать способность распознавать и регулировать эмоциональную динамику сторон, то есть то, что в психологии описывается понятием эмоционального интеллекта. Степень научной разработанности темы неоднородна: институт семейной медиации получил основательное освещение в зарубежной и, в меньшей степени, в отечественной литературе [11; 13; 17], тогда как эмпирических работ на стыке права и психологии эмоционального интеллекта медиатора существенно меньше, а применительно к семейной медиации в Узбекистане такие исследования, по имеющимся данным, отсутствуют.

Целью статьи является теоретико-правовой и психологический анализ эмоционального интеллекта как профессиональной компетентности семейного медиатора и обоснование его значения для конструктивного, интерес-ориентированного разрешения семейных споров. Задачи: 1) систематизировать теоретические модели эмоционального интеллекта применительно к задачам семейной медиации; 2) показать, как правовая природа семейной медиации обуславливает востребованность психологического инструментария; 3) описать прикладной инструментарий саморегуляции медиатора и перехода сторон от позиций к интересам; 4) критически оценить границы применимости отдельных популярных психологических концепций. Методологическую основу составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы (анализ Закона Республики Узбекистан «О медиации» и международных рекомендательных актов), дополненные междисциплинарным синтезом юридической и психологической литературы. Научная новизна состоит в системном соотнесении моделей эмоционального интеллекта с юридически значимыми признаками семейной медиации и в критической ревизии ряда

положений, распространённых в практико-ориентированных программах подготовки медиаторов.

1. Понятие и модели эмоционального интеллекта как профессиональной компетентности

Понятие эмоционального интеллекта было введено в научный оборот П. Сэловеем и Дж. Мэйером как способность отслеживать собственные чувства и чувства других людей, различать их и использовать эту информацию для управления мышлением и действиями. В рамках модели способностей (ability model) Мэйер и Сэловей выделили четыре взаимосвязанных компонента: точное восприятие эмоций, использование эмоций для облегчения мышления, понимание эмоций и их значений, управление эмоциями — своими и чужими [9; 10]. Параллельно сложился смешанный (mixed) подход, объединяющий когнитивные способности с личностными чертами: наиболее известное его воплощение — концепция Д. Гоулмана, включившая в состав эмоционального интеллекта самосознание, саморегуляцию, мотивацию, эмпатию и социальные навыки [4]. То, что в тренинговой литературе нередко подаётся как единая концепция, в действительности представляет собой семейство разнородных по методологии теорий.

Для целей настоящей статьи существенно, что оба подхода сходятся в одном: эмоциональный интеллект — развиваемая компетентность, а не фиксированное качество личности, что делает его пригодным предметом профессиональной подготовки медиаторов. В прикладных программах он нередко описывается в виде четырёхкомпонентной структуры — осознание собственных эмоций, управление ими, распознавание эмоций другого (вербальные и невербальные сигналы, эмпатия) и управление взаимодействием, — которая по логике соответствует четырём ветвям модели Мэйера и Сэловей, хотя и является её упрощённой прикладной интерпретацией. Применительно к медиатору эта структура означает: заметить собственную эмоциональную реакцию на высказывание стороны, не позволить ей управлять процедурой, распознать эмоциональное состояние сторон и использовать это понимание для управления коммуникацией, а не для подавления эмоций.

2. Правовая природа семейной медиации и специфика эмоциональной динамики конфликта

Легальное определение медиации в статье 3 Закона Республики Узбекистан «О медиации» связывает её с содействием медиатора сторонам на основе добровольного согласия в целях достижения взаимоприемлемого решения [17]; само по себе оно является родовым и не выделяет семейную медиацию в качестве самостоятельной разновидности. Между тем в международной доктрине, в частности в Рекомендации

Комитета министров Совета Европы № R (98) 1, такое обособление проведено давно и обосновывается совокупностью признаков: особым субъектным составом (лица, связанные семейно-правовой связью, которая, как правило, переживает сам спор), особым предметом (расторжение брака, определение места жительства и порядка общения с ребёнком, алиментирование, раздел имущества), затронутостью интересов несовершеннолетних детей и риском структурного неравенства переговорных позиций сторон [11; 13].

Центральное значение для настоящего исследования имеет двухслойная структура конфликта: правовое разногласие в семейном споре практически всегда наслаивается на эмоционально-психологический конфликт отношений, а урегулирование первого без работы со вторым нередко оказывается неустойчивым, что на практике проявляется в рецидиве судебных споров между теми же сторонами. Это объясняет наибольшую объяснительную силу трансформативной модели медиации применительно к семейным спорам: она видит назначение медиации в преобразовании самих отношений сторон через их взаимное усиление и признание, что напрямую соотносится с задачами эмоциональной компетентности медиатора [3]. Отсюда требование к специализации и междисциплинарной подготовке медиатора получает не декларативное, а содержательное наполнение — при том, что медиатор не выполняет функций психотерапевта: распознавание эмоциональной динамики служит исключительно задаче управления процедурой урегулирования спора, а не терапевтического вмешательства.

3. От саморегуляции медиатора к переходу сторон от позиций к интересам

Физиологической основой автоматических реакций в конфликте традиционно считается работа вегетативной нервной системы: симпатический отдел обеспечивает мобилизацию при восприятии угрозы, парасимпатический — связан с восстановлением [12]. Задача саморегуляции медиатора — не устранить эту реакцию, а создать паузу между её возникновением и последующим действием, оставляющую пространство для осознанного выбора. Прикладным инструментом описания стратегий поведения в конфликте служит модель К. Томаса и Р. Килманна: пять стратегий — соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление — вдоль двух измерений настойчивости и готовности учитывать интересы другого [7]; принципиально разграничение компромисса (взаимные уступки по позициям) и сотрудничества (поиск решения, максимально учитывающего существенные интересы обеих сторон). Коммуникативным инструментом диагностики недопонимания служит модель Ф. Шульца фон Туна: каждое сообщение содержит четыре аспекта — фактическое содержание, самораскрытие говорящего, отношение к собеседнику и

призыв [14], — и значительная часть конфликтов возникает не из-за содержания сказанного, а из-за того, каким из этих аспектов сообщение было услышано. Дополнительным языком наблюдения за реакциями сторон выступает транзактный анализ Э. Берна с его тремя эго-состояниями — Родитель, Взрослый, Ребёнок [1]: устойчивое взаимодействие достигается в позиции Взрослый—Взрослый, тогда как обращение из состояния Родителя или Ребёнка провоцирует симметричный ответ оппонента. Близкий по функции треугольник Карпмана (роли Жертвы, Преследователя и Спасателя [6]) медиатор вправе использовать лишь как язык наблюдения за повторяющимися паттернами, но не как диагностический инструмент.

Классическое различие позиций и интересов восходит к модели принципиальных переговоров Р. Фишера и У. Юри: позиция — то, что сторона решила потребовать, интерес — то, что побудило её принять это решение [5]. Работа исключительно с позициями сторон структурно повышает вероятность тупика, тогда как обращение к интересам и ценностям расширяет пространство возможных решений; операционализацией такого перехода служит последовательность уточняющих вопросов о значимости, смысле и причине требования стороны. Эмпирические данные подтверждают значение эмоционального интеллекта на этом этапе: в эксперименте М. Боланд и У. Росс медиаторы с более высоким его уровнем чаще ставили целью взаимоприемлемое соглашение и использовали более широкий набор тактик компромисса, тогда как медиаторы с низким уровнем чаще прибегали к давлению и бездействию [2]; эти результаты согласуются с данными о том, что эмоциональный интеллект связан с навыками разрешения конфликта через эмпатическую озабоченность, снижающую предвзятую атрибуцию враждебности оппоненту [16]. Отдельного внимания заслуживает переживание сторонами утраты при расторжении брака: широко известная пятистадийная модель горевания Э. Кюблер-Росс сыграла значительную роль в привлечении внимания к этой теме, однако современная литература указывает на отсутствие эмпирического подтверждения строгой последовательности стадий [8; 15] — практический вывод для медиатора состоит в том, что эмоциональная неровность процесса переживания развода является нормой, а не отклонением, требующим оценки готовности стороны к переговорам.

4. Ограничения применяемых концепций и направления дальнейших исследований

Научная добросовестность требует обозначить границы использованного материала. За пределами анализа настоящей статьи сознательно оставлены популярные в тренинговой литературе, но не подтверждённые рецензируемыми источниками положения — о точной длительности эмоциональных состояний, о пренатальном

формировании психики, о «безусловной материнской и условной отцовской любви» как универсальном правиле, а не одной из теоретических моделей, и формулировка о слезах как «распаде эмоций». Классические психоаналитические построения (учение о бессознательном, структура Оно—Эго—Супер-Эго) сохраняют историко-теоретическое значение, но не используются здесь как объяснительная основа ввиду неоднородной эмпирической подтверждённости. Ограничением является и то, что большинство эмпирических исследований связи эмоционального интеллекта с результативностью медиации выполнено вне правового контекста Узбекистана и семейных споров как таковых. Направлениями дальнейших исследований представляются: адаптация психодиагностического инструментария эмоционального интеллекта к профессиональной группе медиаторов Узбекистана; эмпирическая проверка связи эмоциональной компетентности медиатора с долей исполненных медиативных соглашений; изучение интеграции традиционного института примирения махалли с профессиональными стандартами эмоциональной компетентности семейного медиатора — направление, обозначенное автором как самостоятельная задача в его диссертационном исследовании, посвящённом теоретико-правовым основам семейной медиации в Узбекистане.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Двухслойная структура семейного конфликта, признанная видообразующим признаком семейной медиации в доктрине и международных актах, юридически обосновывает необходимость включения эмоциональной компетентности в профессиональный профиль медиатора, а не сводит её к факультативному «мягкому навыку». Теоретические модели эмоционального интеллекта — модель способностей Мэйера и Сэловея и смешанная модель Гоулмана — сходятся в понимании его как развиваемой, а не фиксированной компетентности, что делает его пригодным предметом целенаправленной подготовки медиаторов. Прикладной инструментарий — стратегии Томаса—Килманна, модель Шульца фон Туна, транзактный анализ, принципиальные переговоры Фишера и Юри — операционализирует переход от автоматической реакции и позиционного торга к осознанной саморегуляции и работе с интересами по цепочке: осознание эмоции — понимание потребности — саморегуляция — понимание другой стороны — выявление интереса — снижение эскалации — конструктивный диалог — совместный поиск решения. Использование этого инструментария требует научной осторожности: часть популярных психологических формулировок нуждается в проверке по первичным источникам прежде, чем воспроизводиться в подготовке медиаторов и в научных публикациях. Практическая значимость исследования состоит

в обосновании целесообразности включения структурированного блока эмоциональной компетентности в программы подготовки семейных медиаторов в Республике Узбекистан — наряду с правовой подготовкой и в соответствии с принципом специализации медиатора по семейным спорам, — а дальнейшая эмпирическая проверка этой связи на материале узбекистанской практики составляет предмет продолжающегося диссертационного исследования автора

Список литературы

1. Berne E. Games People Play: The Psychology of Human Relationships. — New York: Grove Press, 1964. — 216 p.
2. Boland M.J., Ross W.H. Emotional Intelligence and Dispute Mediation in Escalating and De-Escalating Situations // Journal of Applied Social Psychology. — 2010. — Vol. 40, No. 12. — P. 3059–3105.
3. Bush R.A.B., Folger J.P. The Promise of Mediation: Responding to Conflict Through Empowerment and Recognition. — San Francisco: Jossey-Bass, 1994.
4. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. — New York: Bantam Books, 1995. — 352 p.
5. Fisher R., Ury W., Patton B. Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In. — 2nd ed. — New York: Penguin Books, 1991.
6. Karpman S.B. Fairy Tales and Script Drama Analysis // Transactional Analysis Bulletin. — 1968. — Vol. 7, No. 26. — P. 39–43.
7. Kilmann R.H., Thomas K.W. Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument. — Tuxedo, NY: Xicom, 1974.
8. Kübler-Ross E. On Death and Dying. — New York: Macmillan, 1969. — 260 p.
9. Mayer J.D., Salovey P. What Is Emotional Intelligence? // Emotional Development and Emotional Intelligence: Educational Implications / Ed. by P. Salovey, D.J. Sluyter. — New York: Basic Books, 1997. — P. 3–34.
10. Mayer J.D., Caruso D.R., Salovey P. The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates // Emotion Review. — 2016. — Vol. 8, No. 4. — P. 290–300.
11. Parkinson L. Family Mediation: Appropriate Dispute Resolution in a New Family Justice System. — 3rd ed. — Bristol: Jordan Publishing (Family Law), 2014.
12. Porges S.W. Orienting in a Defensive World: Mammalian Modifications of Our Evolutionary Heritage. A Polyvagal Theory // Psychophysiology. — 1995. — Vol. 32, No. 4. — P. 301–318.

13. Recommendation No. R (98) 1 of the Committee of Ministers to Member States on Family Mediation (adopted 21 January 1998) // Council of Europe.

14. Schulz von Thun F. Miteinander reden 1: Störungen und Klärungen. Allgemeine Psychologie der Kommunikation. — Reinbek: Rowohlt, 1981.

15. Stroebe M., Schut H., Boerner K. Cautioning Health-Care Professionals: Bereaved Persons Are Misguided Through the Stages of Grief // Omega — Journal of Death and Dying. — 2017. — Vol. 74, No. 4. — P. 455–473.

16. Al-Taie Z., Abdulhussein O. The Effect of Emotional Intelligence on Conflict Resolution Skills Mediated by Empathic Concern in Youth // Journal of Adolescent and Youth Psychological Studies (JAYPS). — 2025. — Vol. 6, No. 7. — P. 1–9.

17. Закон Республики Узбекистан «О медиации» от 03.07.2018 г. № ЗРУ-482 (в ред. Закона от 20.10.2025 г. № ЗРУ-1089) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/3805229>.